

Ван Дунъян продолжал съемки в обычном режиме.

Линь Шо тем временем забрал Фаньтуаня из зоомагазина. Котенок сидел понурый, не резвился и не пытался играть — он лишь замер у двери, не сводя с нее глаз. Увидев его, малыш мгновенно вскочил, порываясь броситься навстречу, но наткнулся на натяжение поводка.

Фаньтуань в отчаянии заскреб лапками по ошейнику, пытаясь освободиться.

Линь Шо наклонился, подхватил пушистый комок на руки и отстегнул карабин. Котенок испуганно прижался к его груди, словно боялся, что его снова бросят. Хотя они жили вместе меньше месяца, Фаньтуань уже привязался к нему всем сердцем.

Линь Шо помедлил, проглатывая готовые сорваться слова. Поблагодарив владельца зоомагазина, он понес котенка домой. В квартире все еще царил беспорядок; наскоро прибравшись, он набрал номер Хэ Яня.

— Мне нужно кое-что с тобой обсудить, — произнес он серьезно.

Хэ Янь редко слышал в его голосе подобные нотки, поэтому мгновенно подобрался:

— Что случилось?

Линь Шо погладил котенка, свернувшегося у него на коленях:

— Может, все-таки вернем Фаньтуаня в зоомагазин?

Как ни жаль было расставаться с малышом, Линь Шо понимал, что у него просто не хватит сил нести ответственность за еще одну живую душу. Он хотел бы вести размеренную жизнь, воспитывать кошку или гулять с собакой, но реальность диктовала иное. Проблем навалилось слишком много — они не оставляли времени на спокойный досуг.

Хэ Янь, который и без того был не в духе, после этих слов буквально взорвался. Линь Шо хотел избавиться от кота, но Хэ Яню показалось, будто выбрасывают его самого.

— Жди у меня! — прорычал он и с силой швырнул трубку.

Дядя Ци, увидев разъяренного господина, вылетающего из дома, обеспокоенно спросил:

— Молодой господин, что стряслось?

— Линь Шо... он больше не хочет Фаньтуаня! — голос Хэ Яня дрогнул, а глаза предательски

заблестели.

Сердце старика сжалось от боли. Он помнил, как тяжело Хэ Янь заболел в детстве, когда умер его котенок. С тех пор мальчик боялся заводить питомцев. Всех собак, которых дядя Ци приносил, чтобы утешить его, Хэ Янь велел раздарить.

Когда Линь Шо принес Фаньтуаня, дядя Ци вздрогнул — котенок был точной копией того самого, из детства. Такой же белый, такой же крохотный. Хэ Яню малыш явно нравился, но он лишь молча наблюдал со стороны, как котенок ластится к Линь Шо. Дяде Ци было невыносимо на это смотреть.

И теперь Линь Шо говорит, что он ему не нужен?

— Раз не хочет, пусть так, — мягко сказал дворецкий. — Привози его сюда, я сам о нем позабочусь.

Хэ Янь ничего не ответил. Он размашисто зашагал к машине и рванул с места, направляясь к Линь Шо.

Когда дверь распахнулась, Линь Шо как раз раскладывал для Фаньтуаня кусочки молочного лакомства на блюде.

Ярость Хэ Яня вспыхнула с новой силой. Он подлетел и одним ударом ноги отшвырнул блюдо в сторону. Он замер с занесенной рукой, а котенок с испуганным мяуканьем забился под диван.

— Если он тебе не нужен, зачем ты его кормишь?! — сорвался на крик Хэ Янь. — К чему это лицемерие? Сначала приручаешь, а потом выбрасываешь!

Линь Шо в легком изумлении поднял голову и посмотрел на Хэ Яня, чьи глаза покраснели.

Тот был явно не в себе.

— Хэ Янь, — мягко произнес он, — я просто советуюсь с тобой.

Спокойный, размеренный тон Линь Шо чудесным образом утихомирил бурю в душе Хэ Яня. Он замер, ожидая продолжения.

Линь Шо достал из-под дивана перепуганного Фаньтуаня и, баюкая его на руках, посмотрел прямо на разъяренного Хэ Яня:

— Сегодня Фаньтуань был очень нервным. Владелец магазина сказал, что он крайне чувствителен. Если мы будем постоянно ссориться при нем, он станет совсем диким.

Хэ Янь сделал шаг вперед:

— Тогда мы просто не будем ссориться!

Он промолчал. Ситуация казалась сюрреалистичной: два человека, обделенных родительской любовью, стояли посреди комнаты и всерьез обсуждали, как создать «здоровую семейную атмосферу для ребенка».

Линь Шо помедлил, но все же решил сказать правду:

— У меня есть дела, которые я обязан завершить. Скорее всего, у меня не будет времени заниматься им. Хэ Янь, именно потому, что я не хочу быть безответственным, я решил отдать его сейчас — пока он не привязался ко мне окончательно.

Хэ Янь, глядя на него, ощутил приступ горького бессилия.

— Ничего не знаю, — упрямо бросил он. — Фаньтуань никуда не уедет.

Он устало потер виски:

— Если мы не можем обеспечить ему должный уход, лучше...

— Ты просто хочешь его бросить! — перебил Хэ Янь. — Не надо этих благородных оправданий!

— Хэ Янь, успокойся! — он невольно повысил голос.

Хэ Янь осекся. Линь Шо редко кричал на него, и теперь он стоял, хлопая глазами, словно обиженный ребенок.

Он вздохнул и пошел на попятную:

— Раз ты так настаиваешь... я буду иногда оставлять его в гостинице для животных, — он подошел ближе и мягко коснулся губами покрасневшего века Хэ Яня, — но в остальное время он будет жить здесь.

Фаньтуань, словно поняв, что гроза миновала, вскарабкался Хэ Яню на плечо и, подражая Линь Шо, лизнул его в щеку.

От этого прикосновения шершавого язычка Хэ Янь едва не расплакался.

В этот миг ему показалось, будто это не котенка, а его самого только что решили не бросать.

***

Как Хэ Янь никогда не интересовался прошлым Линь Шо, так и Линь Шо не стремился копаться в жизни Хэ Яня. Они были как две прямые, которые по чистой случайности пересеклись в одной точке, чтобы затем разойтись в разные стороны. Именно поэтому он не испытывал ни малейшего любопытства.

И все же он мог догадаться о многом.

Например, о том, что Хэ Янь обожает животных, но боится их заводить, придумывая нелепые предложения. Очевидно, его прежних питомцев когда-то уничтожил Хэ Боюань. С его-то нравом старик Хэ мог и человека довести до полусмерти, что уж говорить о кошке или собаке.

Линь Шо не хотел ничего знать. Не хотел давать волю жалости.

Но глядя на Хэ Яня с покрасневшими глазами, он не мог заставить свое сердце ожесточиться.

Иногда он ненавидел свою пронизательность.

Ненавидел то, как легко он считывал чужую боль.

Ведь он не был всемогущим, чтобы исцелить каждую рану.

Линь Шо долго смотрел на спящего Хэ Яня, затем бесшумно выбрался из-под одеяла и сел за компьютер у окна.

Съемки «Пути Бессмертного» продлятся еще долго. Он поручил Ван Дунъяну и Сестре Лю усилить охрану, не подпускать к Шэнь Южуну подозрительных личностей и ни в коем случае не давать ему заглядывать в интернет.

Он начал методично изучать базы данных.

Ему нужна была теоретическая база и сотни прецедентов. Ван Дунъян уже выразил свою позицию: его инвесторы — люди влиятельные, они помогут выдержать давление сверху и гарантируют, что Шэнь Южуна не снимут с роли.

Он немного успокоился.

Он обратился к Ван Дунъяну именно потому, что верил в его порядочность. Раз мэтр дал слово, перемен в кастинге не будет. Но сохранение роли за Шэнь Южуном было лишь началом большой битвы.

Не сумев запугать или подобраться к актеру лично, этот подонок скоро перейдет к следующему шагу. Какому именно — Шэнь Южун догадался и сам: видеозаписи попадут в сеть. В интернете любая информация может затеряться, но подобная грязь распространяется со скоростью лесного пожара.

Обычно в таких случаях артистов отправляют в «бессрочный отпуск» или вовсе вносят в черные списки из-за «дурного влияния на имидж». В иных обстоятельствах это оправдано, но случай Шэнь Южуна — другой.

Если его сейчас подвергнут остракизму и запрету на профессию, это станет официальным сигналом для общества: «Если тебя изнасиловали — сиди дома и не отвечивай, это твой позор».

Он планировал нанести превентивный удар.

Правила существуют для того, чтобы их нарушать.

Жертва не должна нести ответственность за преступление.

Долг общественности и закона — клеймить и карать подонка, а не выдавливать пострадавшего из публичного пространства. Только если жертва сможет жить нормальной жизнью после разоблачения правды, другие найдут в себе силы свидетельствовать. Скрывать гнойник — значит позволять заразе распространяться.

Отчим Шэнь Южуна был классическим примером такого паразита.

Раньше он был университетским лектором и, пользуясь своим статусом, принуждал студентов к близости, зная, что те побоятся огласки. Заметив Шэнь Южуна, он вцепился в него мертвой хваткой: втерся в доверие к его матери, женился на ней, а вскоре после свадьбы явил свое истинное лицо, шантажируя пасынка и заставляя его совершать отвратительные вещи.

«Если появляется отчим — мать превращается в мачеху».

Шэнь Южун пытался просить ее о помощи, но она уже была беременна. На глазах у матери подонок влепил юноше пощечину, заявив, будто тот сам его соблазнил и требовал денег. Мать предпочла закрыть глаза.

После этого улюдонок окончательно распоясался, взявшись за «воспитание» пасынка.

Мать знала обо всем, но хранила молчание.

Даже когда мерзавца арестовали, она пыталась свидетельствовать в его пользу, утверждая, что Шэнь Южун сам во всем виноват. Она плакала в суде, заявляя, что новорожденному нужен отец. Если бы не один из родителей пострадавших студентов, который предоставил медицинские отчеты, подтверждающие факт насилия, суд мог и вовсе оправдать подонка.

Линь Шо не знал, как Шэнь Южун выжил в те годы.

Та травма была настолько глубокой, что одного вида старой кассеты хватило, чтобы спровоцировать у него нервный срыв.

Они познакомились десять лет назад, и Линь Шо видел Шэнь Южуна в моменты его величайшего отчаяния. Он наблюдал, как тот годами выкарабкивался из тьмы, чтобы обрести мечту и будущее. И он ни за что не позволит этому ничтожеству снова разрушить жизнь друга.

В его душе клокотала холодная ярость.

Тогда мало кто осмелился дать показания, и мерзавец отделался слишком легко. Но судя по тому, что он прислал кассету, у него окончательно сорвало резьбу.

А безумцами манипулировать проще всего.

Линь Шо усмехнулся. Десять лет назад он смог убедить лишь одну семью пойти в суд. Спустя десять лет он сделает так, что этот подонок сгниет за решеткой.

Пусть только попробует начать свою игру.

Линь Шо систематизировал собранные данные и связался с несколькими знакомыми из сферы кибербезопасности. Он попросил их мониторить сеть и мгновенно отслеживать любые попытки загрузить видео с Шэнь Южуном. Ублюдки, любящие снимать свои «подвиги», редко ограничиваются одной жертвой. Отыскав источник, можно будет выйти на целый архив улик.

Друзья хорошо знали его, а предложенное вознаграждение было более чем щедрым, так что они сразу согласились.

Однако он не собирался полагаться только на цифровые следы.

Общественное мнение — это оружие.

Когда-то именно оно заставило его, маленького и ничего не помнящего, скитаться вместе с

Линь Хоугэнём по чужим краям. Он не питал к нему ненависти: оружие не виновато, виноват тот, кто его направляет.

Он отправил Сестре Лю пачку старых фотографий и велел подготовить пресс-релиз. Если этот подонок хочет уничтожить репутацию актера, пусть увидит: за десять лет взгляды людей изменились.

Линь Шо быстро печатал, набрасывая синопсис сценария.

Наконец, усталость взяла свое.

Он уже собирался выключить компьютер, как заметил в отражении экрана высокую фигуру. Обернувшись, он увидел Хэ Яня, который пристально смотрел в монитор.

— Это твой новый фильм? — бесцеремонно спросил тот. — Выглядит довольно скучно.

Он закрыл ноутбук:

— Режиссером будет Ван Дунъян, я — лишь ассистентом.

Его собственного веса в индустрии пока не хватало, чтобы продвинуть такой сложный проект без громкого имени на афише.

Фильм назывался «Искупление».

В центре сюжета — история о растлении несовершеннолетнего. Однако акцент ставился не на самом преступлении, а на мрачном лабиринте душевных мук жертвы. По сюжету подросток встречается мудрого врача, который помогает ему выбраться из тени и найти силы свидетельствовать против преступника. Пройдя через травлю в прессе и пересуды, герой наконец выходит на свет, и солнечные лучи озаряют его повзрослевшее, очищенное от клейма лицо.

Вся история была посвящена преодолению психологической травмы и тернистому пути человека, решившего бросить вызов системе.

Хэ Яню такие тяжелые темы были не по душе.

— Ты ведь не собираешься снимать в этом Линь Чу? Я буду первым, кто наложит вето!

Он улыбнулся:

— Лин Чу на эту роль я и не планировал.

Хэ Янь, видя, что Линь Шо не намерен продолжать разговор, недовольно буркнул:

— Поздно уже, спать иди. И затащил его в постель.

***

Следующие несколько дней прошли в обманчивом затишье.

Линь Шо закончил работу над сценарием и отправился в «Киноград» к Ван Дунъяну. Шэнь Южун сидел неподалеку. Режиссер взял рукопись, бегло прочел и переглянулся с актером.

Шэнь Южун тоже ознакомился с текстом.

Даже Сестра Лю в его присутствии старалась обходить эту тему стороной. И только он осмелился безжалостно вскрыть старую рану, заставив его взглянуть в лицо окровавленной правде.

— Ты хочешь, чтобы я это сыграл? — спросил Шэнь Южун.

Это было радикальное средство. Если он хотел двигаться дальше, он не мог вечно бегать от своего прошлого. Только вырезав этот гнойник целиком, он мог гарантировать, что больше никогда не потеряет контроль.

Он видел, как подрагивают руки Шэнь Южуна — одно чтение сценария вернуло его в те серые времена.

Но он обязан был вспомнить.

Только ощутив ту старую боль, он найдет в себе силы не совершить новую ошибку.

Дождавшись, пока в глазах друга паника сменится решимостью, он произнес:

— Да, я хочу, чтобы ты это сделал.

Шэнь Южун смотрел на него, как младший брат, ищущий опоры:

— Не знаю, справлюсь ли я.

— Справишься ты или нет — неважно. Ты просто должен это сделать, — отрезал он.

Шэнь Южун замолчал.

— К тому же, — добавил он, — я не даю тебе главную роль.

Актер замер.

— Ты будешь играть врача, — он пристально посмотрел ему в глаза и сжал его плечо. — Разве это не лучший способ — дать себе шанс спасти самого себя? А заодно — и многих других.

Шэнь Южун встретился с ним взглядом. В этом чистом, ясном взоре было какое-то странное внушение, заставившее его забыть о страхе. Ему захотелось... просто захотелось следовать за ним. Шаг за шагом. Спасти себя и других. Разве это плохо?

Его сердце пропустило удар.

Словно он в один миг вернулся из ада в мир живых.

Он был прав: он — жертва, и ему незачем прятаться.

Только если они заговорят, преступников покарают.

Если даже он, со всей своей славой, так напуган угрозами этого подонка, то что чувствуют другие?

Неужели они тоже обречены проживать свой вчерашний кошмар снова и снова?

В те страшные дни он молил о помощи, но безразличие матери выжгло в нем самую способность звать на помощь. И все же в глубине души он надеялся... надеялся, что придет кто-то и вытащит его из бездны.

Как в истории, которую написал он. Кто-то, кто уведет его прочь.

Если играть такую роль...

Он так долго ждал «его», а «он» так и не пришел. Но теперь он сам знал лучше любого другого, в какой именно поддержке нуждается тот израненный мальчик.

— Я понял, — выдохнул Шэнь Южун. — Я согласен.

Ван Дунъян, все это время наблюдавший со стороны, был в восторге. Линь Шо действительно гений — всего парой фраз он полностью изменил состояние актера. Честно говоря, когда тот впервые изложил ему этот замысел, режиссер сомневался, сможет ли Шэнь Южун выдержать такую нагрузку.

Теперь же он проникся к нему еще большим уважением.

Раз Шэнь Южун дал согласие, пора переходить к деталям.

— Если роль врача за Шэнь-сяо, то как быть с главным героем? Будем проводить кастинг?

Тема была острой, и то, что ее вообще пропустили через цензуру, было чудом. Рассчитывать на кассовые сборы не приходилось. Конечно, под именем Ван Дунъяна желающих сняться будет предостаточно, но мэтр хотел знать мнение партнера.

Линь Шо только открыл рот, чтобы ответить, как его телефон завибрировал. Это был тот самый знакомый, которому он поручил мониторинг. Он нажал на прием.

В ту же секунду зазвонил и телефон Ван Дунъяна.

Новость была одна на двоих.

В сети появилось видео с участием Шэнь Южуна, и оно распространялось со скоростью лесного пожара.

Линь Шо, сохраняя ледяное спокойствие, велел другу продолжать отслеживание, после чего набрал номер Сестры Лю:

— Сестра Лю, поправь текст и выпускай пресс-релиз.

Менеджер вздрогнула и открыла интернет. Ситуация уже выходила из-под контроля.

Она быстро внесла правки в заранее подготовленный текст.

Содержание было предельно четким: честное описание событий десятилетней давности, детские фото Шэнь Южуна и официальная копия судебного приговора.

Ван Дунъян велел всей съемочной группе сделать репост этого заявления и одновременно задействовал связи, чтобы заблокировать распространение ролика.

Позиция студии была непоколебима: Шэнь Южун — жертва. Тот, кто нападает на него сейчас,

становится соучастником преступления.

Фанаты актера, оправившись от первого шока, пришли в ярость.

Они сплотились, защищая своего кумира. В то время Шэнь Южуну было всего двенадцать! Как у этого выродка рука поднялась?! Это же животное! Нет, хуже животного! То, что их кумир вообще нашел в себе силы сниматься в кино после такого — это же подвиг, достойный только восхищения и поддержки!

Шэнь Южун открыл Weibo и, глядя на лавину слов утешения под своими постами, не знал, что и сказать.

Он, закончив с делами, вернулся к прерванному разговору:

— Кажется, мы обсуждали кандидатуру на главную роль?

Ван Дунъян невольно восхитился выдержкой молодого человека.

Он кивнул:

— Есть идеи?

Линь Шо не стал скромничать. Он едва заметно улыбнулся.

— Разумеется. Играть буду я.

<http://bllate.org/book/17574/1713378>